

Алла Новикова-Строганова

Богатырский подвиг

Художественное поучение Н. С. Лескова

Если физически сытому, но изголодавшемуся духовно, «духовной жаждою томимому» читателю захочется перевести дух от «беспорядочной суеты и сутолоки»¹ современной жизни, в которой «всё желающее зла—сплывается» [11, 524], можно выбрать минутку-другую для знакомства с малоизвестной сказкой Николая Семёновича Лескова (1831–1895) «*Рассказ про чёртову бабку*». В её основе— вечная тема борьбы человека с силами тьмы, бесовскими наущениями.

Небольшое произведение из творческого наследия великого писателя земли русской, созданное после 1886 года, при жизни автора опубликовано не было. Несмотря на крохотный объём (по-чеховски: «меньше воробьиного носа»), рассказ обращает вдумчивого читателя к религиозно-философской мысли, духовно-нравственному опыту христианства.

Писатель излагает легенду из переведённой с датского языка «благочестивой книжки» «*Письма из ада*»— «о том, как сатана портил „божественный образ“ в человеке и приходил разговаривать об этом с своей бабкой»².

Тема одоления чёрта волновала многих русских классиков, в особенности Гоголя— одного из любимых писателей Лескова. «Гоголь— моя давняя болезнь и заворожённость»,— признавался он. Гоголь явственно ощущал реальность и ответственность метафизических тёмных сил, духов злобы и тьмы. Писатель призывал не поддаваться, противостоять им.

Об этом идёт речь, например, в письме к С. Т. Аксакову, где Гоголь предлагает использовать в борьбе с «общим нашим приятелем» простое, но радикальное средство в духе кузнеца Вакулы, отхлеставшего напоследок чёрта хворостиной: «Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он— точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечёт, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад— тут-то он и пойдёт храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмёт. Мы сами делаем из него великана, а на самом деле он чёрт знает что. Пословица не бывает даром, а пословица говорит: „Хвалился чёрт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньёй не дал власти“»³.

Мысль о бессилии любой нечисти перед лицом твёрдого духом и в вере человека была одной из любимейших ещё в древнерусской литературе. Так, в «*Повести временных лет*» сказано: «...бесы ведь не знают мыслей человека... тайного не зная. Бог один знает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и скверны видом»⁴.

В финале гоголевской «*Ночи перед Рождеством*», где одоление чёрта становится собственной темой повести, плач ребёнка перед «намалёванной» Вакулой картиной ада, намекает на «несмягчаемую силу чертовщины», «ибо последнюю можно высмеять, унижить, травестировать... но всё это останется лишь полумерой... Радикальное средство... может быть найдено на принципиально ином уровне. Другими словами, в каком бы комическом или неприглядном свете ни представлял „враг рода человеческого“, только вмешательство противоположно направленной высшей силы способно оказать ему достаточное противодействие»⁵.

От самого человека требуется большое духовно-нравственное усилие, чтобы в чистоте сохранить в себе образ Божий. Здесь встаёт не только вопрос о духовной силе личности, но и проблема нравственного выбора, самоопределения.

Тема сознательного выбора добра, необходимости одоления бесовских сил— одна из ведущих в творчестве Лескова. Однако в «*Рассказе про чёртову бабку*» дьявольские козни не главное.

1. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т.— М.: гихл, 1956–1958.— Т. 11.— С. 587. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.

2. Лесков Н. С. Легендарные характеры.— М.: Сов. Россия, 1989.— С. 417. Далее страницы этого издания указываются в тексте.

3. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.— М.: АН СССР, 1952.— Т. 12.— С. 299–302.

4. Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники: о русских писателях XIX века.— М.: Современник, 1987.— С. 20.

5. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя.— М.: Худож. лит., 1978.— С. 28.

В центре внимания здесь христианская антропология, постижение человеком собственной сущности, отношений человека и Бога, богочеловеческого сотрудничества.

«Смысл легенды следующий,— передаёт Лесков.— Когда сатана узнал о намерении Бога создать человека, он сейчас же решился во что бы то ни стало *испортить*⁶ человека» [417]. Но как можно испортить «божественный образ»?

Сотворив человека по своему «образу и подобию», Господь тем самым наградил его величайшим даром, прославил, вознёс над «всею тварью». Однако ясно, что это не только дар, но и величайшая ответственность: не уронить в себе образ создавшего Отца. Именно здесь и подкарауливает беспечного человека дьявол (в переводе одно из значений слова «диаболос» — «разделитель», то есть стремящийся разделить, разрушить связь творения с Творцом): «Я подпортил человека так, что ему всё будет того хотеться, чего ему нельзя. Он через это начнёт делать нехорошее— будет и лгать, и отнимать, и ненавидствовать, и даже самого Бога станет осуждать: зачем Он ему одно дал, а другого недодал. Сделаю, что человек станет самим Богом недоволен и оскорбит своего Создателя» [417]. Однако лукавые происки бессильны: «Бога оскорбить никак нельзя. Он это всё простит и всю твою порчу в людях исправит» [417], — наставляет «чёртова бабка» своего злокозненного внука.

Божий образ в человеке в свете православной антропологии — не только «данность» и «здание», но также *сотворчество*: «В Богочеловеческом процессе важно сочетание Божественного действия и человеческого усилия»⁷. Духовно возрастающий человек стремится исполнить своё истинное назначение — «жить по-Божьи» — и страшится своего несоответствия высшему идеалу. Это религиозно-нравственное переживание глубоко исследовал архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской): «Человек страшится греха, но не как внешней роковой силы, а как чего-то созвучного своей слабости... Эту истину 90 Псалма знает верная Богу душа и не боится ни тьмы окружающего, ни своей. Она боится лишь одного: страшно огорчить Любимого!.. Это — высший круг страха, вводящий в небесную гармонию духа и эту гармонию охраняющий... Святой Иоанн Златоуст говорил, что для него ужаснее вечных мук было бы увидеть кроткий лик Господа Иисуса Христа, с печалью отворачивающийся от него... Вот психология истинной веры: *страх огорчить любимого Господа, не принять с безмерностью духа Его безмерную любовь...*»⁸

Сотрудничество божественного и человеческого — «синергия» как «содействие», «соучастие» — выражено в лесковском тексте следующим образом: «при свете разума, который Бог дал человеку, люди не утратили, однако, способности понимать, что не всё им полезно, что хочется» [417].

Однако «враг человеческий» не сдаётся, помышляя, «как ему человека в корень испортить так, чтобы и Бог его поправить не мог» [417]. Сатана задумывает как бы «рассыпать», разделить единую сущность человека, непомерно взрастив его страсти, которые заслонят и сердце, и разум. «Я,— говорит,— такого подпустил в человека, что он будет ко всякому другому без жалости. Каждый раз будет один другого превосходить, всё себе одному забирать, а других без сил оставить и со свету сжить. Вот увидишь, какая теперь пойдёт на земле между людей мерзость — и суды, и доводчики, и темницы, и нищизы» [418].

Писатель предупреждает о том, какую опасность несёт утрата личностью цельности, внутреннего единства, заданного Богом. Когда душа, разум и тело пребывают в хаотическом разладе, мир также оказывается в безблагодатном нестроении. Для «врага рода человеческого» «это недурно», но только, по мнению многоопытной «чёртовой бабки», «Бог и эту порчу сумеет исправить. И действительно, замечает сатана, что в тех самых *сердцах* (выделено мной. — А. Н.-С.), в которых он глубоко засеял семена „эгоизма“, рядком начинает пробиваться что-то иное, — совсем от другого корня» [418].

Здесь важнейшее — «сердце» — тот центр в христианской антропологии, куда должна быть сведена вся работа по «самособиранию» тела, души и ума «рассыпанного» человека.

Лесков верует в возможность спасения, в восстановление человеческой духовности. Но для изображения закосневшего в грехах «телесного» существа писатель подбирает экспрессивное сопоставление — не просто насмешливое, а уничижительное, обидное для звания человека: «чёрный таракан», «тараканий век». Той же задаче — выявить всю мерзость, ничтожество и отталкивающие стороны отпавших от Бога, забывших о душе, беспечно предавших её на поругание дьяволу, — служит и стилистически сниженная лексика, разговорно-бытовая интонация: «Живёт, живёт человек, наживает себе всякого добра много, и со всех сторон всё рвёт и хапает, и всё себе за голенища пхает. До того тяжело наберётся, что даже ходить ему неловко, — как чёрный таракан на стенке корячится: „мы-ста, не мы-ста: на своих животах катаемся, в своей бане паримся“. И прёт его в тараканий век — меры нет, а вдруг прихватит хорошенько этого тараканишку — он .....

6. Здесь и далее выделено Н. С. Лесковым.

7. Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. — СПб.: Алетей, 1994. — С. 92.

8. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Агония одиночества (пневматология страха) // Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное. — Петрозаводск: Святой остров, 1992. — С. 142–143.

и раздумывается: Господи мой! Что это я?.. Камо бегу и кому понесу?.. С собой ничего не возьмёшь...» [418] Здесь писатель перефразирует библейское: «*камо пойду от Духа Твоего, Господи, и от Лица Твоего камо бегу?*» — так вопрошает человек, всю жизнь боявшийся самоуглубления, но наконец узревший глубины своего бессмертного «я». Также и у Лескова «человек-таракан», погрязший в житейской суете и отпавший от Бога, вдруг начинает умолять Всевышнего: «Господи! Дай мне почувствовать...» [418]

Этого первоначального духовно-нравственного усилия со стороны человека достаточно, чтобы началась работа «самособирания»: «И вот рассудок в человеке просветлеет, и он не одобряет себя, и начнёт остепенять и свой проклятый эгоизм удерживать. Всё, значит, есть ещё спасение» [418]. *Начало жизни по духу*, как учит православная аскетика, очищает и собирает воедино омрачённые и разбитые черты образа Божия.

«*Отврати лице Твое от грех моих и вся беззакония моя очисти. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей*», — так звучит горячая молитва к Создателю человека, осознавшего свои грехи, в «покаянном» 50-м псалме Давида. Это настоящий «прорыв» из мира греховности в мир духовный.

Духовного преобразования человека желает Спаситель. Сатана же стремится исказить человеческую сущность: «Хочется ему на отделку испортить человека, так, чтобы он совсем завернулся, и чтобы его ни стыд, ни совесть, ни сострадание ни с какой стороны не могли дощупаться» [418], — пишет Лесков. Атака злокозненного врага ведётся именно на сердце, на душу человеческую. Увлекает злого духа и возможность затуманить людской разум: «Я, — говорит, — переверну в человеке всё понятие на вын-тараты, — будет ему казаться умное глупым, а глупое умным, и ни в чём он не разберёт истины» [419].

«*Не мудрствуйте лукаво...*» — учит христианская заповедь. «Что значит Мудрость? — размышляет архиепископ Иоанн Сан-Францисский. — Мудрость есть Господь Бог... есть две мудрости, различные между собой. Остерегайтесь этой последней, лукавой, потому что исходит она от царя лжи и лукавства. Что значит „ложь“, вам понятно, потому что часто встречается она в жизни у вас и распознать её вы умеете. Лукавство же есть ложь, которую трудно для всех распознать сразу. Лукавство и состоит в том, что имеет неясное

основание... Ясно теперь, что человек должен быть мудр, но мудрость его должна исходить от Господа Бога. Этой мудростью вы можете отличить доброе от злого, этой мудростью вы можете заслужить прощение и достигнуть Царствия Божия»; «разные мысли борются в человеке. Многие насильно замыкает он в своей голове, хочет принять только мозгом, а мозг не может всего принять, бунтует. Не принимает иногда мозг того, что уже знает дух... Ясное здесь и прямое указание на связь истины с духом, духоведением более, чем с интеллектуальностью»⁹.

По резонному замечанию «чёртовой бабушки» в тексте лесковской сказки, Бог сразу может исправить злонамеренную выдумку: «Он пошлёт на землю Посла, Который покажет людям настоящую истину, и разрастётся это малое семя, и выйдет великое древо» [419]. Здесь предсказывается христианская рождественская концепция: «*Христос рождается прежде падший восставити образ*».

И вновь писатель показывает синергичное соединение божественной благодати и человеческой природы. Человек, переживающий свою греховность, стремится к самопревосхождению. В ответ на это свободное устремление Бог посылает ему дар спасения, сравнимый по масштабам только с даром творения.

Крохотный лесковский рассказ вмещает в себя тысячи и тысячи лет — это поистине вселенское время, воплощающее евангельскую идею «*полноты времён*»: «*Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного) <...> Чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление*» (Гал. 4:4—5); «*В устройство полноты времён, дабы всё небесное и земное соединились под главою Христом*» (Ефес. 1:10).

Лесков горячо верует в поступательное движение истории человечества и вместе с «великим христианином» Диккенсом, в котором русские писатели узнавали «родственную душу», мог бы повторить мощный и настойчивый призыв Духа Церковных Колоколов из рождественской повести английского писателя: «Голос времени, — сказал Дух, — зывает к человеку: „Иди вперёд!“ Время хочет, чтобы он шёл вперёд и совершенствовался; хочет для него больше человеческого достоинства, больше счастья, лучшей жизни; хочет, чтобы он продвигался к цели, которую оно знает и видит, которая была поставлена, когда только началось время и начался человек»¹⁰.

В лесковской сказке снова промелькнуло тысячелетие — после пришествия Христа. А вот и последняя выдумка беса: «Я выдумал касающееся к этой самой Истине. Пришла Истина, ну и пришла. Так ей и быть. Теперь назад не воротить, а я теперь буду вперять человеку, что он один познал эту Истину самым лучшим родом, и он тогда во всех смыслах зайдётся. Не станет ничем поверять

9. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Записи голоса чистого // Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное. — Петрозаводск: Святой остров, 1992. — С. 101–102.

10. Диккенс Ч. Рождественские повести // Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30 т. — М.: ГИХЛ, 1959. — Т. 12. — С. 154.

и о чём-либо с кем-то спокойно и умно не посове- тует, а всех почитёт в заблуждении, и что ему в лоб вступит, то и велит всем почитать за истину. Тогда ему во весь век не услышать слово Истины» [419].

И, кажется, на этот раз коварная шутка удалась. Рассказ заканчивается похвалой лукаво умудрённой «чёртовой бабки» в адрес неугомонного внука: «„Живу я давно, и очень я опытна, а эта твоя выдумка меня озадачила. *Хорошо ты выдумал*“. И начали чёрт с бабкою на весь ад громко смеяться» [419].

В датском источнике, который обрабатывал Лесков, этот сюжет преподносится довольно сухо и рационально. Русский писатель не только расцвел- тил легенду новыми красками, придал ей русский национально-сказочный колорит, отшлифовал с филигранным мастерством, но и углубил религи- озно-философский смысл рассказа.

Датский фрагмент завершается следующим образом: «Конечно, для Господа всё возможно! Но, со всею моею опытностью, не знаю, как Он убедит тщеславного человека в том, что он живёт в грехе?!» [565] Лесковский же рассказ венчает мощный — и в эмоциональном, и в идейно-художественном, и в нравственно-философском смысле — финал, в котором сосредоточена концепция произведения. Метафизический адский хохот, раздающийся на весь мир, не может не насторожить, не ужаснуть.

Из Священного Писания известно, что Христа часто видели плачущим, «а чтобы Он смеялся или хотя мало улыбался, этого никто никогда не видел». Конечно, Он плакал и о людях, отвернувшихся от своего доброго Отца и предавших самих себя злему духу.

В отличие от «Легенды о великом инквизи- торе» в романе Достоевского «Братья Карама- зовы» (1881), где рисуется пришествие Христа и дан Его светоносный образ, окружённый лучами любви и правды, в легенде Лескова изображения Христа мы не найдём. Зато злые силы выписаны пластически зримо. Сатана здесь не символ и не аллегория. Лесков считает, что обнаружение бесов- ской силы — это уже её поражение, полезное людям, которым необходимо быть духовно пристальными.

«Самое большое поражение бесов, — пишет ар- хиепископ Иоанн Сан-Францисский, — когда их обнаруживают, срывают с них личину, которой они прикрываются в мире»¹¹. «Бесплотный враг — диавол, и слуги его — злые духи — суть наиреаль- нейшего явления в мире, действующие в смятенной, светной или озлобленной душе. Бесы — такая же реальность, как светлые силы мира невидимого — ангелы, действующие в глубинах духа человече- ского и его мира совести. . . вся внутренняя борьба должна вестись не против людей же, себе во всём подобных по греховности, но против сознательно воинственной бесплотной силы зла, поработив- шей душу человека и человечества, душу всех

интересов мира, ставших совершенно плотскими, земными, не имеющими горнего духа плотики»¹².

Гордыня и тщеславие — по сути своей дьяволь- ские качества — более всего мешают человеку в стяжании благодати. В легенде из датского пере- вода указывается: «Когда тщеславие станет второй природой человека, когда он сам влюбится в неё, будет дураком — он погибнет наверное!.. Даже совесть не заговорит в человеке против тщеславия. Он не увидит в нём зла и с закрытыми глазами бросится в бездну» [563–564].

Здесь усматривается прозрачная аналогия с эпизодом Евангелия от Луки (8:26–39) — о том, как Иисус повелел нечистому духу выйти из бесно- ватого и войти в свиней, и те бросились в бездну. Так и человек, по своей воле устремляющийся в бездну, подобен свинье, занятой только пищей земной. «Естественно, бесы хотят устремиться к свиньям. Только бы им не остаться без всякой жертвы, без всякой пищи, то есть без возможности кого-либо мучить и терзать в Божьем мире. . . На бесах поучим мы, люди, себя! — призывает архи- епископ Иоанн Сан-Францисский. — Всё зло, кото- рое мы другим (то есть, прежде всего, самим себе) делаем, есть зло, выходящее из пустоты нашей, не заполненной светом Божьим. Гордые, мы, будучи пустыми, заполняем себя не жизнью Божествен- ной, но призраками радостей, чтобы только не чувствовать ужасного своего — без Бога — оди- ночества. Адская бездна непрестанно отверста пред нами, и мы, слепо страшась её, слепо при- вязываем себя к тому, что само не вечно, что есть лишь туман над бездной. . .»¹³.

Преподобный Максим Исповедник называет самолюбие «матерью всех зол»: «Начало всех стра- стей есть самолюбие, а конец — гордость». «Само- любие, сластолюбие и славолюбие изгоняют из души память Божию»¹⁴, — вторит святой Феодор Едесский. Против «безумной гордости» направ- лено истовое по эмоциональному накалу и совер- шенное в художественном отношении Слово 23

11. *Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ.* Семь слов о стране Гадаринской (Лук. VIII:26–39) // Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепи- скоп. Избранное. — Петрозаводск: Святой остров, 1992. — С. 170.

12. *Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ.* Белое иночество // Иоанн Сан-Францисский (Шахов- ской), архиепископ. Избранное. — Петрозаводск: Святой остров, 1992. — С. 127.

13. *Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ.* Семь слов о стране Гадаринской (Лук. VIII:26–39) // Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепи- скоп. Избранное. — Петрозаводск: Святой остров, 1992. — С. 169.

14. Христианская жизнь по Добротолочию. — М.: Свято- Данилов монастырь, 1991. — С. 112–113.

«Лествицы» аввы Иоанна Лествичника: «Гордость есть отвержение от Бога, бесовское изобретение, презрение человеков, матерь осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противница Богу, корень хулы»¹⁵.

По слову апостола, «*Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать*» (Иак. 4:6). Христос призывал: «*Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем*» (Мф. 11:29).

Лесков считал, что гордость — «ужасное слово, которое совсем не идёт к тону и противно тому настроению, которого должна держаться муза поэта-христианина» [11, 413]. Писатель вывел следующую истину: «Гордость — чувство пустое: ничем не надо гордиться и никем»¹⁶. Так незадолго до смерти наставлял он своего сына. В книге Н. П. Макарова «Энциклопедия ума» из личной

библиотеки Лескова, хранящейся в лесковском Доме-музее в Орле, подчёркиванием и крестиками на полях рукой писателя выделено: «скромность относительно души есть то же самое, что стыдливость относительно тела»¹⁷.

Горячо чтимый Лесковым святитель Тихон Задонский поучал: «Познаётся христианин не от восклицания: „Господи, Господи“, но от подвига против всякого греха... Труден, признаюсь я, всякому против вышеописанных противников подвиг, но необходим и почётен». В подвиге этом особо подчёркнуто сотрудничество божественного и человеческого: «Бог старающимся и заботящимся помогает, подвизающихся укрепляет и побеждающих венчает»¹⁸. Поистине это богатырский подвиг, идею которого неустанно проповедовал Лесков в своих творениях о праведниках земли русской.

В свою записную книжку писатель занёс глубоко выстраданную молитву: «*Отче! Поддай мне сил избежать зла, сотворить благо и перенести испытание. Аминь*»¹⁹.

ДиН память

(1932–1996)

Майя Борисова

Приемлю всё сполна

Когда уходишь из,
кто поручится за
тот факт, что не каприз,
а грозная гроза,
являя власть свою,
равняя давний счёт,
несчастную семью
семью плетью сечёт?
Когда, «идя на вы»,
я перейду «на ты»,
то будут не новы
догадки, что мосты

я слишком быстро жгу,
а строю — впопыхах
и если в чём-то лгу,
то разве что в стихах.
Но в пребыванье вне
и в пребыванье над
ни страху, ни вине
не возводить преград.
Но отрекаясь от,
не зарекаясь впредь,
смотрю в проём ворот,
как мне дано смотреть,
приемлю всё сполна,
не жму на тормоза.
Не полагаясь на,
не укрываясь за.

«ДиН», №2/1994

15. Иоанн Лествичник. Лествица. — СПб.: Фонд «Благовест», 1996. — С. 156.

16. Цит. по: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2-х т. — М.: Худож. лит., 1984. — Т. 2. — С. 326.

17. Всего в книге более 200 помет.

18. Тихон Задонский, святитель. Наставление о личных обязанностях каждого христианина. — М., 1997. — С. 92–95.

19. РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 28.